

**Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева**

**Кавказоведение: научные традиции
и современность**

Материалы межрегиональной научной конференции,
посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова
(8 апреля 2014 г., г. Магас)

УДК 94 (470.66)
ББК 63.3 (2 Рос-Инг).
К12

*Рекомендовано к изданию Ученым советом Ингушского НИИ
гуманитарных наук им. Чаха Ахриева
25 ноября 2014 г.*

Ответственный редактор Н.Д. Кодзоев

Редакционная коллегия:

С.Б. Бурков, У.Б. Гадиев, М.Б. Долгиева, М.А. Матиев, Х.А.
Накастоев.

Магас - Кисловодск, 2014. - 116 с.

В настоящий сборник включены материалы конференции, прошедшей 8 апреля 2014 г. в Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук им. Чаха Ахриева, посвященной 110-летию выдающегося ученого, кавказоведа Евгения Игнатьевича Крупнова (1904-1970 гг.). Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-89421-126-8

**Центральный Кавказ по материалам археологии
и антропологии
(к вопросу этногенеза ингушей)**

Р.З. Сагов

Кавказ – один из древнейших очагов культуры человечества, один из древнейших центров металлургии, скотоводства и земледелия. Здесь рано возникли первобытные общества и общественные отношения. Кавказ богат памятниками материальной и духовной культуры.

Археология свидетельствует, что во время эпохи неолита и энеолита, к северу и югу от Главного Кавказского хребта, распространялись культуры со схожими чертами, с однотипными элементами. В конце энеолитической эпохи на большей части Северного Кавказа возникает культура, названная исследователями майкопской. «Е.И. Крупнов первый употребил термин «майкопская культура» еще в 1951 г. ... В итоге, к концу 1950-х годов памятники круга Майкопского кургана и новосвободненских гробниц получают надолго утвердившееся в литературе название «майкопской культуры», которое, по мнению Е.И. Крупнова, являлось синонимом понятия общности племен Предкавказья. Эта общность нашла отражение в близости их погребальных обрядов и инвентаря» [Крупнов, 1957, 67]. Позднее он конкретизировал свою позицию относительно формирования северо – восточного варианта общекавказского культурного единства. Он считал, что племена Кавказа эпохи ранней бронзы были едины антропологически, принадлежали к одной этнической среде и были носителями единого кавказского субстрата. К III тыс. до н.э. происходит распад единой общекавказской языковой общности, но до II тыс. до н.э. на Кавказе была единая этническая среда – носительница кавказского языкового субстрата [Крупнов, 1964, 39, 40, 41, 43].

Уже долгое время продолжаются дискуссии вокруг проблемы генезиса, этнической принадлежности носителей

майкопской культуры. Были высказаны различные мнения нескольких авторов по этому поводу [Марковин, 106-122, 153-157; Андреева, 122-125; Корневский, 125-131; Мизиев, 131-137; Сафронов, 137-144; Чеченов, 144-153].

Но вследствие отсутствия убедительных доводов, версию В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой о семитской миграции на Кавказ во второй половине III тыс. до н.э. была отклонена [Корневский 2004, 9]. Здесь, надо отметить, что о необоснованности версии о семитском, индоевропейском происхождении носителей майкопской культуры ранее писал и Р.М. Мунчаев [Мунчаев 1994, 165].

По поводу высказывания ученых относительно различных версий происхождения носителей майкопской культуры совершенно верно высказался Р.М. Мунчаев, который пишет: «если резюмировать отмеченное, получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской» [Мунчаев 1994, 165].

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем нередко в отношении древностей Центрального Кавказа, когда затрагиваются вопросы культуры и истории древнего населения региона, особенно его этногенеза. Следует сказать, что относительно Северо-Западного, равно и как Северо-Восточного Кавказа, для отечественной исторической науки картина более или менее ясная. Но как только речь заходит о Центральном Кавказе, все затуманивается и все уходит в «научные» дебри, в связи с неясностью и слабой освещенностью истории Центрального Кавказа.

В свое время Л.И. Лавров отмечал, что, «если вопрос об этногенезе вызывает споры, то для его решения обращаются обычно к разнообразным источникам: письменным, археологическим, антропологическим, лингвистическим, этнографическим, фольклорным и пр.». «Исследователь этногенеза может чувствовать себя уверенным лишь тогда, когда опорой ему служат хорошо датированные и этнически определенные факты» [Лавров 1978, 33].

В настоящее время исследователи все же приходят к выводу, что формирование майкопской культуры «происходило на основе местных позднеэнеолитических племен с участием мощного восточного компонента, особенно северо-месопотамского» (Нехаев А.А., 1990. С. 20.)» [Цит. По: Мунчаев, 1994, 164]. Данное утверждение основывается на сходстве керамических изделий обнаруживаемых в соответствующих комплексах, относящихся к позднему Уруку-Джемджет Насру в Северной Месопотамии, на севере Сирии и в Анатолии (конец IV – начало III тыс. до н.э.). [Мунчаев 1994, 158]. Речь не идет об общности культур Северного Кавказа и Ближнего Востока, но здесь наблюдается значительное сходство, в т.ч. и в погребальных традициях [Бетров 1996, 94].

Майкопская культура – это культура раннебронзовой эпохи Северного Кавказа, «представляющая собой один из ярчайших феноменов бронзового века Европы и всего евразийского пограничья» [Мунчаев 1994, 158].

Ряд исследователей, в том числе – В.И.Марковин, считают, что «северокавказская культура сложилась на основе предшествующей ей майкопской культуры и прошла в своем развитии три хронологических этапа: начало II-го тысячелетия – 1700 г. до н.э. – время сложения культуры; 1700 – 1500 г. до н.э. – период ее расцвета; 1500 г. – конец II-го тысячелетия до н.э. – время ее угасания, что совпадает с интенсивным наступлением степных племен с севера» [Мартинов 1973, 94]. Это культура скотоводов и земледельцев.

К середине III тыс. до н.э. – времени начала этапа развитой бронзы – майкопская культура, в большинстве районов (кроме зоны предгорий среднего течения р. Сунжи), исчезает. К концу III тыс. до н.э. на ее месте возникает т.н. «группа с триподами», которая частично участвует в формировании культур средней бронзы, в том числе – северокавказской. При этом племена позднего майкопа, наряду с представителями местных культур с элементами поздних энеолитических традиций, некоторое время продолжают сосуществовать с вновь возникшими культурами [Бурков,

75-76]. Современные исследования показывают, что в формировании этно – культурных общностей эпохи развитой бронзы на Северо – Восточном Кавказе, в том числе – в его предгорно – горной зоне, принимали участие и другие культуры, такие, как поздняя и пост – куро – аракская, сачхерская и катакомбная.

«Кавказ стал в это время ведущим центром металлургии и металлопроизводства даже для Восточной Европы. Сейчас установлено, что примерно до середины II тыс. до н.э. главным поставщиком металла для племен Северного Причерноморья и Поволжья был Северный Кавказ. На этой основе резко усилились взаимосвязи между населением Северного Кавказа и северными степными племенами, особенно с носителями, так называемой катакомбной культуры» [Ростунов 1984, 13].

Северокавказская культура существовала относительно недолго, но результатом его развития явилось возникновение новой культуры. По мнению А.И. Мартынова в ряде случаев она продолжала развиваться и переросла в своеобразную и удивительно яркую кобанскую культуру поздней бронзы, относящуюся к концу II – началу I тысячелетия до н.э. [Мартынов 1973, 94]. Более детально и убедительно этот процесс показан В.И. Козенковой, которая для начального этапа формирования культуры выделила древнейший этап Кобан I а, когда происходило синкретичное сращивание элементов северокавказских и закавказских культур, компоненты катакомбной и отдельные элементы культуры средней бронзы Центральной Европы. На этапе Кобан I б продолжает наблюдаться синкретизм культурных традиций, ведущие признаки культуры ещё неустойчивы. Они сформируются к стадии Кобан II – к середине XII –рубежу XI/X вв. до н.э. Для восточно – кобанских древностей это происходит на её I этапе (конец периода Кобан II – начало периода Кобан III – конец XI – первая половина X в. до н.э. Исследователь считает, что формирование кобанской культуры на южных и северных склонах Кавказа шло параллельно, что подтверждает мнение,

ранее высказанное Е.И. Крупновым [Козенкова, 92, 94-96, 130]. Ряд современных исследователей читает, что в предкобанское время в Предкавказье сложилось новое образование по сравнению с предыдущим массивом племён эпохи средней бронзы [Кореневский, Петренко, Романовская, 55]. По мнению В.Б. Виноградова в начале I тысячелетия до н.э. на Северном Кавказе господствовали три большие археологические культуры, отражающие зоны бытования различных родоплеменных групп (прикубанская, кобанская, каякентско-харачоевская). Из них две первые обнаруживают большое сходство друг с другом, в то время как каякентско-харачоевская культура стоит особняком и резко отличается от только что названных» [Виноградов 1963, 137].

Они соответствуют как трем языковым группам – абхазо-адыгской (Северо-Западный Кавказ), нахской (Центральный Кавказ) и дагестанской (Северо-Восточный Кавказ), – так и трем антропологическим типам народов Северного Кавказа – понтийскому, кавкасионскому и каспийскому.

Этнокультурный облик ингушей, прослеживается на Кавказе, как утверждают ученые, с древнейших времен [Крупнов 1971, 202; Мунчаев 1961, 164]. Р.М. Мунчаев пишет, что ингуши – автохтоны Кавказа, и их начальный этап формирования может быть связан с этно – культурными процессами, начиная с III тыс. до н.э. [Мунчаев 1961, 164].

В сою очередь, Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, М.Б. Мужухоев, С.Л. Дударев и другие, признавая носителей кобанской культуры в качестве основы для формирования, в том числе, предков ингушей, размещают их в пределах Центрального Кавказа [Дударев, 135-141; Козенкова, 2002, 19-24]. В то же время, В.Б. Техов считает, что кобанская культура принадлежит индо – иранским племенам – выходцам из Передней Азии и, в частности – киммерийцам [Техов, 15].

В связи с рассматриваемым вопросом большой интерес представляют высказывания ученых относительно нартского эпоса Северного Кавказа. Нартские сказания полу-

чили распространение среди народов, которые являются потомками тех же древних племен Кавказа – носителей указанных выше археологических культур.

Е.И. Крупнов утверждает, «...что первоначальными творцами замечательных нартских сказаний были носители» кобанской, прикубанской и колхидской культур, которые являются представителями иберийско-кавказской языковой семьи [Крупнов 1971].

Абхазский исследователь Г. Дж. Гумба, изучая Центральный Кавказ по древним письменным источникам, пришел к выводу, что «полное совпадение мест расселения древних нахских племен во второй половине I тыс. до н.э. с территорией распространения позднекобанской археологической культуры (Терско-Сунженский и Горные локальные варианты) дает основание придти к выводу, что носителями данной археологической культуры являлись протовайнахские (читай, протоингушские. – С.Р.) племена...» [Гумба, 1988, 5].

«По данным краниологического исследования, проведенного В.П. Алексеевым, народы Кавказа, у которых бытуют нартские сказания, фактически принадлежат к одному антропологическому типу – кавкасионскому» [Гутов 1993, 3]. Далее Гутов пишет, что «...понтийская группа популяций, представляет собой результат грацилизации того матуризованного протоморфного типа, который на Кавказе получил наименование кавкасионского...» [Гутов 1993, 3].

Антрополог В.П. Алексеев, изучая антропологические особенности народов Кавказа, одновременно обособляя центральнокавказскую историко-этнографическую область, утверждает, что «население, относящееся к кавкасионскому типу, следует рассматривать как реликт древнейших племен Кавказа, заселявших центральные предгорья Кавказского хребта, по-видимому, еще до эпохи бронзы – в эпоху неолита, а может быть, даже и верхнего палеолита» [Алексеев 1974, 196]. В свою очередь, известный антрополог В.В. Бунак на основе краниологических исследований пришел к заключению, что «среди ингушей этот собственный

кавказский (кавказионский, – С.Р.) тип сохранился более чем у кого-либо из других северокавказских народов» [См.: Крупнов 1971, 42].

В то же время необходимо отметить, что в постмонгольский период этническая карта Центрального Кавказа меняется. Здесь появляются новые этнокультурные субъекты, которые формируются на местном кавказском субстрате. По мнению В.А. Кузнецова, «кавказский этнический элемент, вошедший в качестве субстрата в этногенез осетин, был вайнахоязычным» (т.е. ингушским, – С.Р.) [См.: Эфендиев 1998, 34].

Данные антропологии подтверждают высказывания В.А. Кузнецова. «Имеющиеся данные заставляют признать, что та археологически выявляемая субстратная основа, на которой формировались антропологические особенности... осетин, представляла собой краниологический вариант, отличный от свойственного современным осетинам. Кроме того, особенности черепов из склепов Горной Осетии XVI-XVII вв. также не дают возможности связать их с современным населением Осетии» [Герасимова 1994, 53].

В.П. Алексеев, исходя из склепового материала Северной Осетии, отмечает, что эти краниологические серии полностью сходны с черепами балкарцев, ингушей и хевсуров [Герасимова 1994, 54]. Вопрос однотипности физического строения названных народов представляет большой интерес.

В соответствии с данными археологии ученые пришли к выводу, что аланская культура является закономерным звеном развития культуры, зародившейся в глубокой древности на Центральном Кавказе, т.е. она «своими корнями восходит к древней кобанской культуре» [Дидебулидзе 1983, 28]. Здесь небезынтересно отметить, как утверждают археологи, что границы распространения кобанской культуры совпадают с границами позднее возникшей здесь аланской культуры, даже границы локальных вариантов обеих культур.

В свое время академик П.С. Паллас, – как пишет Е.И.

Крупнов, – «высказал предположение, что ингушские племена «кисты» являются прямыми потомками «алан»» [Крупнов 1971, 39]. «Основанием для такого суждения было наличие в кистинском наречии ингушского языка понятия семибожия («Ардауда»), выражаемое аланскими словами «вар» (семь) и «дада» (отец) или «дела» (бог). Как известно из «Перишла Черного моря» анонимного автора V в. и Скимноса Хиосского, греческий город Феодосию таврические аланы называли «Ардабда» (т.е. «семибожный»)» [Крупнов 1971, 39]. У ингушей существует понятие «ворхледаьда» (буквально – семь отцов // семь прадедов, что означает предки до седьмого колена). Е.И. Крупнов, на наш взгляд, не случайно обратил внимание на это, хотя данный факт и не получил дальнейшего научного развития.

Повторяемость элементов археологических культур эпохи бронзы, раннего железа и средневековья на Центральном Кавказе не может быть случайностью, что позволяет говорить о преемственности древнейших культур Кавказа и о возможной генетической связи их носителей. Вероятно, происходило поэтапное преобразование, или, скажем, трансформация археологических культур Кавказа, которые существовали здесь, сменяя друг друга и сохраняя свои основные особенности, на протяжении тысячелетий.

Большой интерес представляют сведения античных авторов, Лукиана Самосатского и Клавдия Элиана, которые говорят, что во второй половине I тыс. до н.э. племена, проживавшие на Центральном Кавказе, были известны под названием «махли» // «махелоны» [Гумба 1988, 8]. В древнеармянских и древнегрузинских источниках они названы дзурдуками. В прошлом некоторые народы сваны ингушей называли малхуа, чеченцы – махлой, а осетины, ближайшие соседи ингушей, до сих пор их называют махалоны.

Таким образом, данные археологии, антропологические сведения, вкупе с письменными источниками, позволяют рассматривать ингушей как прямых потомков древних жителей Центрального Кавказа. «Из совокупности антро-

пологических, археологических, исторических, лингвистических и этнографических данных ...» мы можем сделать вывод, что ингуши имеют «давнее и сугубо местное происхождение» [Крупнов 1971, 57]. А географическую зону, или если выразиться словами Алексева, «центральнокавказскую историко-этнографическую область», следует считать как древнейшим очагом этногенеза ингушей, т.е. это – территория формирования ингушского этноса.

Список использованной литературы:

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
Андреева М.В. Традиционные проблемы и новые пути их решения (несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры) // СА, 1990 №4.

Бетров Р. Этническая история адыгов. Нальчик, 1996.

Бурков С.Б. Культурно-хронологическое положение погребений энеолита и МНО по данным курганной стратиграфии с территории предгорий Чечни // XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Магас, 2010.

Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

Гумба Г.Дж. Расселение вайнахских племен по «Ашхарайцуйца» // Автореферат. Ереван, 1988.

Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М., 1993.

Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение, №3, М., 1994.

Дидебулидзе З.Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья. Тбилиси, 1983.

Дударев С.Л. Еще раз об этнической принадлежности кобанской культуры // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А.Скорого. Киев-Полтава, 2009.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на

Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса // культура Чечни. История и современные проблемы. М., 2002.

Корневский С.Н., Петренко В.Г., Романовская М.А. Работы Ставропольской экспедиции // КСИА, вып. 188. М., 1986.

Корневский С.Н. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // СА, 1990 №4.

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.

Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА, 1964, №1.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Лавров Л.И. Проблемы этногенеза Кавказских горцев // Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Марковин В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура) // СА, 1990 №4.

Марковин В.И. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // СА, 1990 №4.

Мартынов А.И. Археология СССР. М., 1973.

Мизиев И.М. О создателях майкопской культуры // СА, 1990, №4.

Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, №100. М., 1961.

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Под общей редакцией академика Рыбакова Б.А. М., 1994.

Сафронов В.А. новые пути решения майкопской про-

блемы // СА, 1990 № 4.

Ростунов В.Л. К социальной интерпретации «рогатых кирпичей» раннебронзовой эпохи Северного Кавказа // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

Техов Б.В. К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов – до осетин. Материалы по осетиноведению, вып. 1. М., 1994.

Чеченов И.М. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА, 1990, №4.

Эфендиев Ф.С. Национальное возрождение и национальная идея. Нальчик, 1998.